

Не помню начала. У всех оно разное, но у всех одинаково грустное. Помню только: было темно и сыро. Затем клуб, баня, казарма, сотня стриженных под ноль пацанов и беспорядочная толкотня на «взлётке». Мы ещё не были сконструированной массой, но принадлежали уже не себе...

– Р-рота! Подъём!

Так начался «карантин». Этот удивительно специфический элемент военной подготовки лейтмотивом прошёл через всю мою службу, впрочем, не только мою. Сей «казарменный инстинкт», приобретенный большинством мужского населения и отретпетированный до совершенства бесконечным множеством раз, позволял мужчине в возрасте от 18 до 20 лет в любой экстремальной ситуации в течение 45 секунд быть готовым к защите своего Отечества. После службы некоторые демонстрировали этот приём в присутствии женщин, пойманные врасплох их неожиданными мужьями, благодаря чему спасалась репутация этих женщин и честь семьи...

Итак: «Рота! Подъём!» И уже в сотый раз я лечу через головы своих собратьев к тумбочке, где сложена моя униформа. Жонглируя универсальными штанинами и рукавами, натягиваю её на себя и в сотый раз запихиваю в карманы «хэбэ» проклятые портянки, эти нестандартные кусочки ткани, носкозаменители, укротить которые в первые месяцы «салобон» просто не в состоянии. Нет времени. Просто стою на «взлётке» по команде «смирно» без всякого права на движение, и что будет дальше, знает только сержант. Он сейчас и Бог, и Царь, и Папа римский.

– Р-рота, напра-во! Бегом марш!

С тех пор ненавижу бег. Кто придумал это идиотское занятие. Да лучше б он сдох в пути, этот греческий марафонец. Впрочем, грек не знал, что в будущем его сандалии модернизируют в кирзовые сапоги.

– Рота, стой! Расчехлить шланги!

И все улыбнулись. Только солдат знает смысл этой команды. Особенно по утрам зимой, когда позади ночь терпения и полпути кросса. Тело парит. Снег на обочине шипит и тает. Все довольны и потому снисходительны, даже сержант, которому не положено...

– Становись! Бего-ом, марш! Рота, отставить! Рота, бегом! Рота, отбой! Рота...

О боже! Когда все это кончится?! Нет сил... Хочу в бой и умереть, если это наяву, или проснуться, если это сон.

– Вольно! Разойдись!

И рота разошлась на сотню маленьких человечков с массой усталых впечатлений. Потом, к концу службы, этих «расхождений» будет всё больше и больше, а сейчас мы разошлись лишь на миг, на время, на ползатяжки «Севера», и снова на плац отбивать классику строевой службы.

– Шире шаг! Тянуть носок!левой!левой!правой! Раз, два!

Раз, два. Тра-та-та. Всё. Сегодня начнётся совсем другая жизнь. Даже страшно. Сегодня я стану настоящим солдатом. «Солдатом в законе». Как сейчас помню этот миг.

Ветер свистит в ушах. Снег метёт по плацу, словно никого нет. Я один. В руках у меня «клятва» в красном переплётё, а за плечом автомат, настоящий, и потому, слова мои настоящие, честные, может, единственные за всю службу... Потом ветер стих. Подбежал фотограф, щёлкнул и записал фамилию. За ним подошел «зёма», отобрал «клятву», автомат и... всё. Как шёл в строй, не помню, было только холодно и почему-то стыдно. Так я принял присягу.

Мы неслись по незнакомой дороге в открытом кузове грузовика и, спасаясь от лютого ветра, жались друг к другу. Перед отправкой из «карантина» нас хорошенько перемешали с другой ротой и потому сейчас рядом со мной были чужие люди. Единственное, что нас объединяло – это желание согреться и то, что теперь все вместе и по отдельности мы назывались «военными строителями». «Мабута», – поправляли старослужащие. «Почему?» – «Хрен одета, хрен обута!». «Королевские войска», – гордо поясняли другие. Но для нас всё это было непонятно и непрестижно. Мать поймет, но что я напишу своей девочке? Эх, девочки! Какие вы все нетерпеливые, девочки-женщины! Только вами мы жили первые месяцы, вашими клятвами и обещаниями. Молились на вас, не предполагая порой, даже не подозревая, что кого-то из вас уже нет, не существует. Есть лишь ваше тело, проданное и преданное...

Всё, всё. О любви ни слова. Кроме как о любви к Родине – ни о чём. Но жизнь торопит, а человек создан для её продления, и попробуй воздержись от ЖИЗНИ... Все эти мысли посещали ночью, той самой ночью, когда душа наполнена непередаваемым наслаждением. Эти шесть часов личного времени, когда солдаты Петров, Иванов, Сидоров скидывали с себя всю военную атрибутику и нагишом убегали в «гражданку», воображаемую прошлую или будущую «гражданку» с морем свободы и толпой настоящих женщин... Это было ночью. Это будет каждой ночью, но сейчас был день, и я, синеватый от холода, жался к соседу в кузове грузовика.

Дорога. Дорога в неизвестное. Что там впереди? Сколько невероятностей ждёт меня в этой «засекреченной» стране? Вот она, совсем рядом, за шлагбаумом КПП, за железными воротами с рыжей звездой, которые широко распахнулись и раскатисто с грохотом захлопнулись за спиной. Приехали.

– Строиться на плацу!

Мы слетаем и, опасливо озираясь, экскурсируем взглядом по сторонам. Убогая казарма, вонючая столовая, покосившийся сортир. Неуютно, негигиенично. Закрываю глаза и заставляю себя ничего не замечать. Пусть так. Чем хуже, тем лучше. Главное – «тронулся поезд», покатился неудержимый отсчёт времени и нужно просто удержаться на нем, не соскочить.

– Здравствуйте, военные строители! – приветствовал нас замполит.

– Здра-а жела-а, това-а мае-о! – проорали мы в ответ. Мол, всё хорошо, товарищ майор. Жалоб и больных нет. Но тот не понял или не поверил, потому как прищурился и подозрительно оглядел всех с ног до головы.

Его шокировало наше обмундирование образца тысяча непонятного года. Майор потребовал объяснений. Почему у моего соседа, что слева, сапоги на одну ногу и один к тому же яловый, а у соседа, что справа, одно ухо у шапки оторвано, и почему я в пилотке, когда на улице минус двадцать? Эх, майор! Это проза службы! Ты лучше проверь мои портянки и скажи, на что они похожи... На боевые знамена, что после штурма. Но, возможно, это реликвия, и в этих портянках мой прадед подвиги совершал, а эта шапка, что с оторванным ухом, не одну жизнь от смерти спасла. Так что не смотри ты на меня, как на иностранца из слаборазвитой страны. Я наш. Только замёрз, как собака.

Скрепя сердце, в часть всё-таки приняли. Обули, одели, накормили, а утром началась служба. Не та, что в книжках и на картинках, совсем другая – настоящая.

– Салобон должен знать свои права и обязанности, а именно право на труд и на дембель. Обязанности – всё остальное. Главный в роте кто? Правильно. Дедушка. Потом ротный и так далее. Дедушку надо любить, уважать. Приказы его не обсуждать и выполнять беспрекословно. Вольно!

Вот так. Эти неопровержимые поправки к воинскому Уставу мы услышали из уст нашего ротного «дедушки». Маленький, плюгавенький, он стоял перед строем и по-хамски, нагло выбирал для себя «жертву»...

В чём суть раба? Не древнего, не иностранного, а нашего... Не буду философствовать: «может» такое быть или «не может». Да, ещё тогда, после семнадцатого года, все усердно писали, убеждая мир и себя: «Мы не рабы, рабы не мы!» Но сегодня вдруг узнаем обратное: что написанное тогда не всегда соответствовало действительности; и что расплёсанные эмоции «первых свободных людей» были надуманными; и что выпуск оков для рабов «тайная промышленность» совсем не прекращала; и что настоящие чувства, которые бродили в каждом человеке-винтике, душил страх. Обыкновенный страх. В нём вся суть. Сначала человек боится соседа, потом общества, а потом самого себя...

В армии рабства тоже нет, вернее, оно называется по-другому, но определяющая всё та же – страх. Всё начинается с безобидных упражнений.

Ночью, после отбоя, на «взлётку» выходит «старик» и интересуется у роты:

– Что вы хотите пожелать старичку?

И рота хором скандирует:

– Дембель стал на день короче – старику спокойной ночи!

И так раз двадцать с «подъёмом» и «отбоем», если кто-то не очень старательно скандировал, и даже если хорошо орали – всё равно раз двадцать. Для профилактики. Это первый шаг. Коллективный, так сказать.

Следующий этап – «индивидуальные занятия». Среди личного состава выбирались «жертвы» и методично натаскивались азам рабства. «Жертвы», как правило, «хиляки», «мамины сынки», которые покорно соглашались со своим положением, демонстрируя тем самым один из способов выживания... Были, конечно, и другие, тоже «мелкие», худые, но гордые. Те выживали через боль, отмахиваясь в «кубриках» табуретками. Тогда его убеждали: «Будь умным. Так надо. Это закон. Через полгода и ты будешь иметь право...» Право иметь рабов. Повелевать. Быть хозяином чужого тела, чужого духа, будучи сам бездуховным... Не каждый так мог, но закон надо уважать. И я уважал, чуть-чуть, месяц или два, пока не появились деньги (если б знала об этом мама!). «Старик» деньги ценил. Брал осторожно в долг, зная заранее, что я уже простил ему все долги. Взамен он дарил свободу. Все по закону: «Хочешь быть человеком – плати».

Через полгода по скрытному прошению какой-то отчаявшейся группки, «стариков» командировали в другую часть. После этого все ждали ответной санкции, но ничего не случилось, и рота впала в шок. Не стало хозяев, не стало рабов. Равноправие! Свобода! Все наслаждались от ерундовин, от мелочей. Можно было всё: читать в кубрике, курить в тамбуре, (о, Боже!) лежать днём на кровати, но главное – быть человеком бесплатно и всегда...

– Рота! Строиться на плацу!

Маленький тренаж, утреннее напутствие комбата и в парадном марше «по машинам». С этого начинался каждый рабочий день, а к труду военный строитель относился по-особенному.

Труд был свободным и не бесплатным. Это знал каждый рядовой, это было где-то официально зарегистрировано, и кто-то аккуратно вёл наши финансовые дела. Но так как на счету не было ни гроша, «засекреченный» финансист фиксировал только долги. Всё, что мы зарабатывали, съедалось, изнашивалось, протиралось. Хозрасчет циркулировал по нашим дырявым карманам, и мы ещё удивлялись, за что нас кормят... Может, за темпы? Это мы могли. Однажды, когда «дембель» уже усыплял своей близостью, комбат неосторожно заявил: «Сдаём дом – демобилизую!» Рота в это время занималась «как бы» отделкой многоэтажного дома, а тут слово «ДЕМБЕЛЬ». Это супермагическое слово в миг перевернуло наше «как бы» рабочее существование. Из всех щелей повыползали желающие и прислушались. Дембель? Дембель! Дембель! В очерствевших было мозгах произошла мгновенная переоценка ситуации, ушаченно забился пульс, и рота с фантастическим предвкушением накинута на работу. И хотя в разврощённых бездельем умах ещё не определился порядок, руки и ноги наши делали своё дело.

Через неделю были выработаны все стройматериалы. В ход пошли «скрытые» резервы; перекупались дефициты, раскулачивались «гражданские». Установленные нормы и планы рушились на глазах. Тускнели стахановские рекорды, бледнели злобинские методы. Ставился новый рекорд. Суперрекорд – «дембельский аккорд». Готово! Уложили полы, покрасили, отбелили потолки, наклеили обои. Всё сделали, кроме... крыши. К ней даже не приступали, и в ближайшее время даже не намечалось. Здесь хозяйничали монтажники, «дембель» которых был еще очень далёк, и им было глубоко наплевать на наше усердствование. Это наплевательство обернулось проливным дождем, и воссозданный нами «дембель» этаж за этажом поплыл со стен вместе с побелкой, обоями и всем тем, что могло уплыть...

Катастрофа для всех, невзирая на чины. Слово «демобилизация», естественно, здесь уже не прозвучало. Но это было потом, а сейчас мы честно отработывали своё существование на первом строительном объекте.

Стройка – самый массовый и непрестижный объект из всех пройденных нами. Это сумасшедший дом, заполненный «волками». Каждый рядовой имел свою квартиру – клетку, персональный инструмент и минимум стройматериалов. Всё, что случайно выпадало из поля зрения непутёвого хозяина, исчезало моментально. Воровали все. Прапорщики тащили у кладовщиков, сержант крал у прапорщика, а рядовые экспроприировали друг у друга и сбывали «гражданским». Боже мой, «гражданка»! Она была совсем рядом. Мелькала перед глазами в джинсах, с «Панасониками», или в коротких юбочках, которые мгновенно слетали в томном воображении солдата...

Запретные желания выводили из себя и тормозили выполнение Госплана. На заводах, где также трудились наши люди (наши лучшие люди), соблазн «гражданки» был даже опасен. Попасть в заводскую бригаду мог не каждый. Это надо было заслужить прилежностью и трудолюбием, но как только «наши лучшие люди» оказывались там, «гражданка» врвала все свои развращающие средства. День за днём не окрепший ещё солдат обрабатывался, сникал и в конце концов срывался на такое бесконечно русское: «Да пошли все!..»

В часть «сорвавшихся» обычно привозили ночью. Тут же пеленговали, тщательно обследовали, определяя степень «огражданивания» и после фиксации факта «усыпляли».

На утро с каждым нарушителем проводил личную беседу ротный. Так уж повелось у нас, что «сор из избы не выносили». Ротный разбирался сам, собственноручно. Эффект поразительный. Буквально через полчаса из его кабинета выносили уже перевос-

питавшегося и всё осознавшего нарушителя. И лишь однажды воспитанный таким методом костромич не понял своей ошибки, вышел за территорию части и после изрядной дозы «Пшеничной» повесился...

Его нашли через два дня с запиской в кармане: «Прости меня, мама, и никого не вини». Состоялось непродолжительное разбирательство, в процессе которого все «чины» недоуменно разводили руками, и только один рядовой доложил следственной комиссии, что перед побегом у скончавшегося был определённый разговор с командиром роты, после чего костромич стал импотентом... Комиссия обследовала якобы повреждённые конечности, но никаких следов ни у пострадавшего, ни на руках и сапогах подозреваемого не обнаружила. И это «осторожное» заявление рядового утонуло в прискорбных событиях в адрес родственников.

Настал Новый год, который рота отметила... «очередными достижениями в боевой и политической подготовке», и в который вступила уже в новом звании – «черпаки». Это определило более широкий круг прав и привилегий. Разрешился к тому времени вопрос о «предназначении и склонностях каждого». Узбеки, к примеру, «окупили» кухню, евреи обосновались в «капёрке», мне же посчастливилось возглавить комсомольскую организацию роты. Появилась возможность облегчить своё положение, и я усердствовал на новом посту во всех отношениях. Выпускал «Боевые листки», регулярно собирал комвзносы, руководствуясь принципом: «Лучше больше, чем меньше»; увеличивал число членов ВЛКСМ (бюро части настоятельно требовало этого), когда же рота полностью состояла в членстве, некоторых пришлось исключить (поводов хватало), чтобы к очередному «отчётному» включить их вновь; оформлял финансовые ведомости, предварительно вычтя разницу от полученных и требуемых взносов; воссоздал фантастические отчёты о проделанной работе, перефразируя документы пятилетней давности; но наибольшее удовольствие мне доставляло создание уникальных произведений – «Протоколов комсомольских собраний». Уникальность их заключалась в том, что этих собраний не было почти никогда, а регистрировать в бюро их приходилось ежемесячно, и потому каждый вечер, напрягая воображение, я безжалостно потрошил свою Музу, упражняясь в словословии и рождая ирреальные речи, произносимые реальными образами, в то время, как их реальные прототипы беззаботно похрапывали в кроватях.

Солдат спит – служба идёт. Сон был священным. И даже дежурный офицер, проводя ночную проверку, не решался поднимать роту, обнаружив в кровати вместо рядового манекен из бушлатов. Тревога в части была непопулярна. Звучала крайне редко и только в экстремальных случаях, когда, к примеру, не досчитались целого взвода... Разъярённый замполит поднял всех, объяснил, что мы «зажрались» и «оборзели», а затем сформировал из оставшихся поисковые отряды и отправил в «ночное».

Поднятый, но не разбуженный личный состав сделал несколько сонных ходок вокруг столовой, сортира и тихо возвратился в казарму. Какой смысл искать тех, на чьём месте, возможно, завтра окажешься сам? Ни для кого не было секретом, что отсутствующие «расквартированы» в близлежащей деревне, мимо которой пролегла трасса утреннего марафона. Возвращалась рота с этой дистанции, как правило, полностью укомплектованной, и к проверке воцарялся уже полный порядок. Но в тот раз этого не случилось ни после марафона, ни после проверки. Один солдат исчез. Был организован общебатальонный прочёс леса, дабы избежать случаев самоповешения, и только после этого в поиск включились УИРы, ВАИРы, милиция. К вечеру солдата нашли, сняли с поезда, движущегося в сторону столицы.

На допросах дезертировавший что-то промямлил о любимой девушке, о родной Сибири и о том, что ни разу не был в Москве. Коллектив сибиряка за это коллективно осудил, а командование приняло к сведению и отправило роту на экскурсию в Москву, в музей Вооруженных Сил.

Сибиряк по-своему оценил ситуацию и вновь совершил нелегальный выезд, но уже в сторону дома. На одной из станций, дабы поправить своё материальное положение, решил распродать выкраденные в сельском магазине вещи, но по неопытности был тут же задержан и препровожден в родную часть. Трибунал ещё раз разобрал его поведение и, учитывая неумное желание сибиряка вернуться на родину, направил его в исправительно-трудовую колонию общего режима...

Так нас становилось меньше. Не хочу оправдывать никого, не имею права, но прошли мы все через одно и спотыкались все, только не у всех хватало сил подняться. И не потому, что особенные, а просто были молоды и хотелось жить. Жить не по уставу, а по чувству, не по приказу, а по желанию. Ну скажи, как осудить дитя, которое родилось раньше времени?

Как осудить того парня из Перми, который в дождь побежал за конфетами, спрятанными в электрощите? Разве думал он, что назад уже не вернётся, что исчезнет, как только протянет к ним руку, вспыхнет как спичка и исчезнет навсегда, словно не жил и не был рождён матерью?

А разве думали мы, когда врываясь по кличу дежурного «Обули!» в столовую, хапали с соседних столов мясо, рыбу и запихивали в карманы сливочное масло? Разве думали мы, что ночью кто-то рядом будет плакать от голода?

А кто из нас думал тогда, преддембельским летом, на футбольной поляне, когда ломая друг другу носы и челюсти, схлестнулись, обливая друг друга грязью, толпа русских и толпа узбеков? Думали мы, что через два месяца будем плечом к плечу добывать один «дембельский аккорд»?

Нет. Не думали. Не положено. Нельзя. Запрещено. И не хотели.

Закончилась моя служба однажды ноябрьским вечером, кажется, в понедельник. Комбат вызвал к себе, спросил: «Живёшь рядом?». «Рядом». Отстегнул «устиновский червонец» и отправил домой. Всё. Я стоял за воротами КПП, ещё в форме, но уже «гражданский» и вдыхал в себя «ДЕМБЕЛЬ». Тот самый, который снился мне каждую ночь, и который я ждал целых 730 дней, или 17 520 часов. Я ожидал наслаждения, которое должно было вот-вот захлестнуть меня, опьянить, околдовать. Но всё было беззвучно и серо, словно не произошло ничего. То далёкое (присяга, учебка, дорога) и это близкое, что осталось там, за воротами КПП, слилось вдруг в одно, смешалось и превратилось в ничто. Будто я хотел куда-то войти... и не вошёл.